

A digital painting of a woman's face, looking slightly to the right. She has long, wavy, dark hair and light-colored eyes. Her skin is pale, and there are some dark, textured patches on her left cheek. The background is a dark, starry space with a large, bright, cratered moon in the upper left corner. The overall mood is ethereal and mysterious.

Боги живут в столице

Наташа Доманская

18+

Наташа Доманская

Боги живут в столице

<https://litres.ru/69802471>

SelfPub; 2023

Аннотация

На дворе начало 2000-х годов. Героине рассказа Вике 15 лет. Ей не нравится модно одеваться, а больше по душе винтажные наряды бабушки, в которых она любит крутиться перед зеркалом. Но мама Вики работает в Доме моды известного московского модельера и не одобряет увлечение дочери «старьем». Тем более бабушка недавно умерла, и комнату с ее платьями заперли на замок. Но однажды ночью Вике удается открыть дверь.

Наташа Доманская

Боги живут в столице

Ближе к полуночи звуки в квартире стихли. Повинуясь какому-то необъяснимому порыву и отчего-то стараясь дышать как можно тише, Вика вынырнула из безопасного плена своей комнаты и, медленно переступая босыми ступнями по холодному линолеуму, сделала несколько шагов по коридору. Выкрашенная белой глянцевой краской и оттого хорошо заметная в темноте дверь, находящаяся у нее на пути, была заперта. Вика выудила из кармана домашних шорт заранее заготовленный маленький ключик на замусоленном шнурке, наощупь вставила и два раза провернула его против часовой стрелки в замочной скважине. Комната встретила ее знакомым запахом корвалола и, как ей показалось, затхлым пудрово-помадным ароматом гримерки и ящика со старыми кремами.

Эта двенадцатиметровая комната некогда была ее убежищем. Безопасным и уютным уголком. Но после смерти бабушки она в один миг превратилась из сказочного королевства в пыльную темницу.

Помешкав, Вика переступила порог и потянула за собой старую стальную ручку. Дверь плотно закрылась благодаря прибитой на торец резинке от шланга. Через не до конца сведенные портьеры пробивался столб тепло-желтого мерцаю-

щего света от фонарного столба, который, сколько она себя помнила, всегда торчал под окном.

Вика поежилась. Несмотря на теплый и на удивление сухой московский октябрь, из-за резкого спада температуры по ночам в сталинской квартире становилось промозгло и неудобно. В бабушкиной комнате, единственной из всех, не заменили окно на современное евро, отчего уже изрядно рассохшаяся рама пропускала холод даже через плотную ткань штор.

Вику зазнобило. Желтый свет и ее собственная лиловая тень сплелись в причудливые фигуры на старомодных бумажных обоях, заставив девочку вздрогнуть. Табун мурашек, пробежав по ее телу, повис в районе коленок всей своей массой. В завываниях осеннего ветра за окном, как это водится по ночам, да еще и не в своей спальне, девочке послышалось ее имя: «Ви-и-и-ка-а-а». Загадочные звуки оттолкнулись от стен и прозвенели над ней, за ней и, как ей показалось, даже под ней.

– Ви-и-и-ка-а-а... – захрипел кто-то, чье присутствие она отчетливо ощущала каждым волоском своего тела. Девочка, оцепенев от страха, замотала головой, задержала дыхание. Подумала, что если замереть, зажмуриться и как следует втянуть голову в плечи, то ее никто и не заметит. Такой детский способ помогал ей не один раз. Вот только кто мог находиться в этой уже год как запертой комнате и внушать ей первобытный страх, Вика не знала.

Бабушка умерла прошлой осенью, и все это время комната стояла закрытая, словно то была и не комната вовсе, а заброшенный дворец с нарядами и реквизитом.

Девочка набрала воздух в легкие и открыла глаза. В зеркале справа отражалась ее собственная тень. На негнущихся ногах, словно в трансе, она двинулась к комоду, над которым была закреплена витиеватая позолоченная рама. С помощью спичек, которые лежали тут же, зажгла свечу. Комнату озарил тусклый сливочный свет.

После смерти бабушки мама заперла комнату на ключ и запретила дочери даже приближаться к ней. Ей не нравилось, что пятнадцатилетний подросток вместо современных увлечений каждую свободную минуту примеряет старые концертные платья, красит губы жирной помадой, а глаза – не менее жирным карандашом. А иной раз даже пытается изображать перед зеркалом бабушкин взгляд с поволокой или так же, как и она, сдержанно приседать в реверансе. Хорошо, что у дочери, в отличие от матери, слуха и голоса не было никакого. Вика сначала пыталась спорить с мамой, но потом отступила. Но каждый раз, проходя мимо двери или оставаясь в квартире одна, она из раза в раз замирала перед выкрашенным в белый цвет дверным полотном.

У соседей сверху что-то упало, захныкал ребенок. И девочка, сбросив с себя оцепенение, подошла к огромному шкафу с бабушкиными нарядами. На самом деле ей и идти-то особо не пришлось. Он возник перед ней сам, надви-

нулся, приглашая в свои темные загадочные чертоги, как в детстве. Она пряталась в него от родителей, когда бабушка, облачившись в одно из своих концертных платьев, уезжала петь на сцену столичного дворца культуры.

Дрожащими холодными пальцами Вика прикоснулась к декоративному крючку и, потянув дверцу шкафа на себя, отворила ее. Без характерного для всех старых шифоньеров скрипа и визга.

– Ви-и-и-ка-а-а, – услышала она откуда-то слева и, повернув голову в сторону звука, почувствовала, как сердце словно заледенело. Чья-то холодная рука будто сжала его, раскинув прохладу по всей грудной клетке. Вика судорожно вздохнула, уставившись в зеркало. Из его черного нутра на нее смотрела прекрасная женщина с бледным лицом и светло-русыми, как и у самой Вики, длинными волнистыми волосами. Лазурное одеяние незнакомки искрилось в свете луны, которая теперь светила в окно вместо фонаря из щели между штор.

Вика хотела закричать, выбежать прочь, но двигаться в эту минуту могли только ее испуганные глаза. Сквозь широко распахнутые веки она увидела как девушка отделилась от зеркала и, став вдруг выпуклой, двинулась прямо на нее...

– Вика, ты заходила в бабушкину комнату? – мама, Люд-

мила Ивановна, сверкая глянцевыми, морковного цвета губами, нависла над ней. – И зачем ты разворошила шкаф?

Вика еще не опомнилась от дурного сна, в котором женщина в шикарном платье с белоснежными кружевами сперва по очереди примерила все бабушкины концертные наряды, хохоча и крутясь перед зеркалом, а после утянула ее за собой в загадочную бездну зазеркалья, где катала девочку по реке на лодке. Взад и вперед, взад и вперед. Вокруг было темно, прохладно и плавали красивые лебеди. Они не свистели и не трубили, как положено птицам этого вида, а воспроизводили совершенно несвойственные им звуки. Это было причудливое сочетание жалобного крика чибиса с клетотом ястреба и кукушечным припевом. При этом певуны искусно меняли модуляцию своих голосов. Девочка никогда не интересовалась птицами и слабо представляла себе, кто такой чибис, но отчего-то именно это сравнение само пришло ей в голову.

– Вика!

– Разворошила... – на автомате повторила она, голова была тяжелая после сна.

– Я спрашиваю: зачем ты раскидала платья? И где ты взяла ключ? – Людмила Ивановна двинулась к окну и раздвинула занавески. Комнату залило редкое для московского октября солнце.

– Я ничего не трогала, – Вика резко села на постели. Она не могла понять, чего хочет от нее мама в такую рань. Круглый циферблат на стене показывал восемь тридцать утра.

Одетая в широкие джинсы с накладными карманами и в кожаную черную куртку мама закатила ярко накрашенные глаза:

– Не я же вывалила вещи из шкафа на кровать. Ты что-то искала?

А потом, смягчившись, присела на краешек дивана:

– Викочка, я понимаю, что ты переживаешь, но бабушки больше нет и нужно жить дальше. И потом... эти твои старомодные пристрастия в одежде. Ведь я же могу сшить тебе что-то молодежное...

– Мама, я ничего не трогала! Почему ты меня постоянно во всем обвиняешь? Может, ты сама это сделала, чтобы свалить все на меня?!

– Да что ты такое говоришь?!

На пороге комнаты возник папа, Андрей Дмитриевич, в изрядно потертых на коленях светлых джинсах и в вязаном свитере. Он на ходу натягивал на босую ногу шерстяной носок.

– Пап, ну хоть ты ей скажи!

– Так, девочки! Пусть мама идет в свой Дом мод, – он гротескно выделил два последних слова, – а мы с тобой, дочь, поедem на рыбалку. Только предварительно приберемcя в комнате у бабушки. И закроем дверь, – он округлил глаза, ища поддержки у дочери.

– На рыбалку? С кем? – мама подошла к шкафу-купе, который недавно приобрели в комнату Вики, и, критически

окинув себя взглядом, поправила и без того идеально уложенные мелированные «под зебру» волосы. – Сегодня же пятница. Викина классная обязательно будет звонить домой, а если не дозвонится, то на работу. И что я ей скажу?

– Скажешь, что я отправилась на тот свет вслед за единственным человеком, который меня понимал, – Вика фыркнула и, выпрыгнув из-под одеяла, выбежала из комнаты.

– Куда? Вика, мы не договорили! – взвизгнула Людмила Ивановна. – И в кого она такая вредная? – обратилась она к мужу.

– Оставь девочку в покое, – Андрей Дмитриевич приобрел жену за талию, но та, скорчив брезгливую гримасу, вырвалась из мужниных объятий.

Каждый рабочий день женщина наблюдала в закрытом цехе столичного кутюрье в модных камзолах и шейных платках, который обычно заглядывал к ним по утрам. Поэтому ее собственный муж казался ей, что называется, простоватым.

– Мне пора. В метро скоро будет не протолкнуться.

– В метро всегда не протолкнуться, Людочка, – вздохнул Андрей Дмитриевич и прибавил: – Если мы не вернемся, значит, остались у Семена, не теряй нас.

– Да уж не потеряю. Следи там за ней, – вздохнула мама и уже с порога крикнула:

– Рыбу чистить не буду! На меня в этом вопросе не рассчитывайте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.